

Стекланный город

1

Все началось с ночного телефонного звонка; после трех звонков голос в трубке позвал какого-то неизвестного ему человека. Много позже, задумавшись о том, что с ним произошло, он пришел к выводу, что все происшедшее — чистая случайность. Но это было много позже. Вначале же имелось лишь событие и его последствия, ничего больше. Не столь важно, могло ли все обернуться иначе, или все было предопределено с самого начала, с того момента, когда он услышал голос в трубке. Важен сам рассказ, а значит ли он что-нибудь или нет, судить читателю.

Про самого Квинна рассказывать особенно нечего. Кто он, откуда, чем занимался, большого значения не имеет. Мы знаем, например, что ему было тридцать пять лет. Знаем, что когда-то он был женат, был отцом, но и жена и сын погибли. Еще мы знаем, что он писал книги. Детективы. Писал под псевдонимом Уильям Уилсон, получалось примерно в год по книге, и гонораров ему хватало, чтобы скромно жить в маленькой нью-йоркской квартирке. Поскольку на один роман у него уходило никак не больше пяти-шести месяцев, остальные полгода он бездельничал. Много читал, ходил на выставки, в кино. Летом смотрел по телевизору бейсбол, зимой слушал оперу. Однако больше всего Квинн любил ходить пешком. Почти каждый день, в солнце и в дождь, в жару и в холод, он уходил из дому

и отправлялся без всякой определенной цели бродить по городу.

Нью-Йорк для него был неисчерпаемым пространством, нескончаемым лабиринтом, и, как бы далеко он ни заходил, как бы хорошо ни знал расположение кварталов и улиц, его не покидало ощущение, что он заблудился. Причем не только в городе, но и в самом себе. Отправляясь на прогулку, Квинн каждый раз испытывал такое ощущение, будто себя он с собой не берет; целиком доверяясь направлению улиц, уменьшаясь до всевидящего ока, он мог не думать и от этого более, чем от чего-нибудь еще, обретал покой, целительную пустоту в душе. Мир располагался вне его, вокруг него, перед ним, и скорость, с которой этот мир менялся, не позволяла ему сосредоточить внимание на чем-то в отдельности. Главное было движение, процесс, когда одна нога ставится перед другой, когда передвигаешься в фарватере собственного тела. От бесцельного хождения все улицы становились одинаковыми; где он в данный момент находился, значения уже не имело. Когда прогулка особенно удавалась, у него появлялось чувство неприкаянности. К этому, собственно, он и стремился — стать неприкайным, погрузиться в вакуум. Нью-Йорк и был тем вакуумом, которым он себя окружил, и покидать этот город у него не было никакого желания.

В прошлом Квинн был более честолюбив. В молодости он издал несколько сборников стихов, писал пьесы, критические статьи, много переводил. Но в какой-то момент все это бросил. Какая-то частица его умерла (объяснил он друзьям), и ему не хотелось, чтобы частица эта, возродившись, его преследовала. Тогда-то он и взял себе псевдоним Уильям Уилсон, в результате чего перестал быть автором своих книг, и, хотя во многих отношениях продолжал существовать, существовал он только для себя самого.

Писать, впрочем, Квинн не прекратил, ведь ничего другого он не умел. Детективы были выходом из положения. Придумывать сложную, замысловатую интригу ему не составляло труда, и он писал хорошо, часто вопреки самому себе, так, словно это не требовало от него ровным счетом никаких усилий. Поскольку себя Квинн автором своих произведений не считал, никакой ответственности за них, в том числе и перед самим собой, он не нес. Ведь Уильям Уилсон был фигурой вымышленной и, хотя порожден был Квинном, вел теперь жизнь совершенно самостоятельную. Квинн относился к нему с уважением, иногда даже с восхищением, но и помыслить не мог, что он и Уильям Уилсон — одно и то же лицо. Потому-то он и скрывался под маской своего псевдонима. Литературный агент у него был, однако не встречались они ни разу, предпочитая переписываться, для чего Квинн приобрел на почте абонентный ящик. Не имел он личных контактов и с издателем, который выплачивал Квинну гонорары исключительно через агента. Ни в одной книге Уильяма Уилсона не было ни фотографии автора, ни биографической справки о нем. Имя Уильяма Уилсона отсутствовало в писательских справочниках, он не давал интервью, а на адресованные ему письма отвечала секретарша его литературного агента. Насколько Квинн мог судить, в его тайну не проник никто. Друзья, узнав, что он перестал писать, первое время интересовались, на что он собирается жить, и Квинн отвечал всем одно и то же: на оставшееся от жены. На самом же деле у его жены никогда не было ни цента. Да и друзей у него не осталось тоже.

Так Квинн жил уже шестой год. О сыне он теперь вспоминал не так часто, как раньше, и совсем недавно снял со стены фотографию жены. Время от времени он вдруг ощущал, что значит держать на руках трехлетнего мальчугана,

но это было лишь ощущение, никак не воспоминание. Чисто физическое ощущение, отпечаток, который оставило прошлое, и чувство это было ему неподотчетно.

Такое, впрочем, происходило с ним все реже, и ему начинало казаться, что наметились перемены к лучшему. Он больше не хотел умереть. В то же время нельзя сказать, чтобы он радовался жизни. Но, по крайней мере, она не была ему ненавистна. Он жил, и этот упрямый факт понемногу стал увлекать его — как будто ему удалось пережить самого себя, как будто у него началась загробная жизнь. Он больше не засыпал при электрическом свете и уже много месяцев забывал все, что ему снилось.

Была ночь. Квинн лежал в постели, курил сигарету и слушал, как по оконному стеклу стучит дождь. «Интересно, когда он кончится? — раздумывал он. — Не гулять же утром под дождем». На подушке рядом с ним лежала обложкой вверх раскрытая «Книга о разнообразии мира» Марко Поло. Две недели назад он закончил очередной роман Уильяма Уилсона и теперь бездельничал. Его частный сыщик Макс Уорк, от лица которого велось повествование, раскрыл целую серию тяжких преступлений, прошел через нечеловеческие испытания, был неоднократно бит, несколько раз едва избежал смерти, и Квинна его подвиги несколько утомили. За эти годы Уорк и Квинн сблизились. В отличие от Уильяма Уилсона, который оставался для Квинна абстракцией, Уорк с каждой следующей книгой обретал плоть и кровь. В этой триаде Уилсон был своего рода чревовещателем, сам Квинн — объектом, а Уорк — исходящим из «чрева» голосом, ради которого все и затевалось. Если Уилсон и был иллюзией, он тем не менее оправдывал существование Квинна и Уорка. Если Уилсон и не существовал, он тем не менее был мостом, который соединял Квинна с Уорком.

И мало-помалу Уорк вошел в жизнь Квинна, стал для него кем-то вроде брата, товарища по одиночеству.

Квинн взял Марко Поло и снова перечитал первую страницу. «А чтобы книга наша была правдива, истинна, без всякой лжи, о виденном станет говориться в ней как о виденном, а слышанное расскажется как слышанное; всякий, кто эту книгу прочтет или выслушает, поверит ей, потому что все тут правда». И вот, стоило Квинну задуматься над смыслом этих фраз, попытаться по достоинству оценить отточенные аргументы автора, как зазвонил телефон. Много позже, восстанавливая события той ночи, он вспомнит, что посмотрел на часы, увидел, что было начало первого, и удивился: кому это взбрело в голову звонить в столь поздний час? «Что-то случилось, не иначе», — подумал он, встал с постели, подошел, как был голый, к телефону и поднял трубку после второго звонка.

— Да?

На другом конце провода молчали, и Квинн решил, что звонивший повесил трубку. Затем, словно откуда-то издалека, донесся голос, странный голос — такой ему еще ни разу в жизни слышать не приходилось. Металлический — и вместе с тем наполненный чувством. Едва слышный — и в то же время совершенно отчетливый. В результате он не смог даже определить, кто звонит: мужчина или женщина.

— Алло? — послышалось в трубке.

— Кто это? — спросил Квинн.

— Алло? — переспросили в трубке.

— Слушаю, — сказал Квинн. — С кем я говорю?

— Это Пол Остер? — спросил голос. — Мне бы хотелось поговорить с мистером Полом Остером.

— Здесь таких нет.

— Мне нужен Пол Остер. Из детективного бюро Остера.

— Простите, — сказал Квинн. — Вы, должно быть, ошиблись номером.

— Я звоню по очень срочному делу, — сказал голос.

— Ничем не могу вам помочь, — сказал Квинн. — Здесь никакого Пола Остера нет.

— Поймите, — сказал голос, — на счету сейчас каждая минута.

— Наберите еще раз. Это не детективное бюро.

Квинн положил трубку. Он стоял на холодном полу и разглядывал свои ноги, колени, свой дряблый член. На какую-то долю секунды он пожалел, что был так резок. Можно было бы немного поговорить со звонившим, разузнать, что случилось, быть может, даже чем-то помочь. «Надо научиться лучше соображать стоя», — сказал он себе.

Как и большинство людей, Квинн в преступлениях почти ничего не смыслил. Он никогда никого не убивал, ни у кого ничего не украл и не был знаком ни с одним убийцей или вором. Ни разу не был в полицейском участке, никогда не встречался с частным сыщиком, никогда не разговаривал с преступником. Если что-нибудь Квинн про все это и знал, то только из книг, фильмов и газет. И тем не менее он вовсе не считал это помехой. В книгах, которые он писал, его интересовало не то, как они соотносятся с реальностью, а то, как они соотносятся с другими книгами. Квинн любил детективы еще до того, как стал Уильямом Уилсоном. Да, он отдавал себе отчет в том, что абсолютное большинство детективных романов плохо написаны и не выдерживают никакой критики, и все же ему этот жанр нравился, и не было ни одного, даже самого беспомощного детективного романа, который бы он не прочел до конца. Притом что к другим жанрам Квинн был придирчив, иногда до мелочности, детективы он глотал почти без

разбора. Когда он бывал в настроении, ему ничего не стоило прочесть по десять-двенадцать детективов подряд. Его охватывал своего рода голод, тяга к особой литературной пище, и он не останавливался, пока не съедал всю порцию до конца.

Эти книги он любил за их насыщенность и четкость. В хорошем детективном романе всему ведется строгий учет, нет ни одного лишнего предложения, непродуманного слова. А если какое-то слово и лишено смысла, оно в любой момент может этот смысл обрести. Мир такой книги оживает, он таит в себе безграничные возможности, загадки, противоречия. А поскольку все увиденное или сказанное, даже вскользь, даже на ветер, может повлиять на развязку, пренебрегать нельзя ничем, ни единым словом. В таких книгах значимо все, центр смещается в результате каждого события, находится в постоянном движении, он — всюду, и окружность вокруг него можно провести не раньше, чем книга подошла к концу.

Сыщик — это тот, кто вглядывается, вслушивается, продирается сквозь непролазную трясину улики и событий в поисках мысли, идеи, которая сведет воедино все эти улики и события, придаст им смысл. По сути, автор и сыщик неразделимы. Ведь читатель видит мир глазами сыщика, ощущает, словно впервые в жизни, как перед ним открываются новые горизонты. Он вдруг начинает замечать находящиеся вокруг предметы, как если бы они заговорили с ним, как если бы, вглядевшись повнимательнее, он обнаружил в них некий высший смысл. Детектив. Сыщик. Соглядатай. Для Квинна в этом последнем слове заложен был тройной смысл. В нем имелась не только буква «я», но и «Я»: крошечный росток жизни, запрятанный в теле живого организма. Не случайно слово это «глядело» — оно олицетворяло собой взгляд писателя, взгляд человека, ко-

торый смотрит на мир и требует, чтобы мир перед ним раскрылся. Уже пять лет Квинн жил под впечатлением этого каламбура.

Он, разумеется, уже давно перестал относиться к себе как к реально существующему человеку. Если он и существовал, то лишь опосредованно, в образе своего вымышленного персонажа Макса Уорка. Его сыщик не мог не быть реальным лицом — таково было требование жанра. Если Квинн мог позволить себе исчезнуть, раствориться в своем причудливом и замкнутом мире, то Уорк продолжал жить в мире других, и чем глубже Квинн погружался в небытие, тем отчетливее ощущалось присутствие Уорка. В то время как Квинн все чаще ощущал свою недееспособность, Уорк, напротив, демонстрировал агрессивность, находчивость, чувствовал себя как дома, где бы он ни находился. Ко всему, что доставляло Квинну столько хлопот, Уорк относился спустя рукава, по жизни он шел с беспечностью и равнодушием, которым его создатель мог только позавидовать. Нельзя сказать, чтобы Квинну так уж хотелось быть Уорком или хотя бы на него походить, но, когда он писал свои книги, ему было приятно притворяться Уорком, сознавать, что, стоит ему только захотеть, и он может, пусть лишь в своем воображении, стать Уорком.

В ту ночь, засыпая, Квинн попытался представить себе, как бы на его месте повел себя Уорк. Ему приснился сон (который он потом забыл): он стоит в пустой комнате и стреляет из пистолета в голую белую стену.

На следующий вечер звонок застал Квинна врасплох. Он решил, что инцидент исчерпан, и не рассчитывал, что незнакомец позвонит снова. Когда раздался телефонный звонок, Квинн сидел в уборной и испражнялся. На этот раз позвонили немного позже, чем накануне, где-то без десяти,

без двенадцати час. Квинн как раз дошел до главы, в которой рассказывалось о путешествии Марко Поло из Пекина в Амой, и, когда он сидел в своей крохотной уборной, книга лежала раскрытой у него на коленях. Телефонный звонок пришелся как нельзя более некстати. Чтобы успеть снять трубку, надо было бежать к телефону не подтеревшись, а разгуливать по квартире в таком виде Квинну было неприятно. С другой стороны, если бы он закончил процедуру без спешки, то к телефону бы не успел. И тем не менее прерывать «процесс» ему не хотелось. Телефон не относился к его любимым вещам, и он несколько раз собирался от него избавиться. Квинн считал телефон тираном и за это особенно его не любил. Телефон не только имел над ним власть, но и беззастенчиво этой властью пользовался, отрывал от дел, так что на этот раз Квинн решил оказать ему сопротивление. После третьего звонка кишечник очистился. После четвертого Квинн подтерся. Когда же раздался пятый звонок, он натянул брюки, вышел из уборной и не торопясь пересек комнату. Трубку он снял после шестого звонка, однако услышал короткие гудки — терпение у абонента иссякло.

На следующий вечер Квинн был наготове. Он лежал на кровати, листал «Спортивные новости» и ждал, когда незнакомец позвонит в третий раз. Время от времени, когда нервы не выдерживали, он вставал и начинал мерить шагами комнату. Поставил пластинку — оперу Гайдна *Il Mondo della Luna* — и прослушал ее от начала до конца. Он ждал и ждал. Только в половине третьего он решил наконец, что ждать больше смысла не имеет, и лег спать.

Квинн ждал звонка и на следующий день, и через день тоже. И вот, когда он счел, что ждать больше нечего, телефон зазвонил снова. Было это девятнадцатого мая. Дату он

запомнил, потому что в этот день была годовщина свадьбы его родителей (верней, была бы, если б его родители были живы); мать когда-то призналась, что зачат он был в первую брачную ночь, и это обстоятельство всегда представлялось ему очень трогательным, ведь теперь он знал день, с которого можно отсчитывать свое существование. Уже многие годы свой день рождения он тайком праздновал именно в этот день. На этот раз телефон зазвонил раньше, чем в предыдущие вечера, — не было еще одиннадцати, и Квинн решил, что звонит кто-то другой.

— Алло? — сказал он.

И вновь на другом конце провода промолчали. Квинн сразу понял, что это тот же самый человек.

— Алло? Чем я могу вам помочь?

— Да, — раздалось наконец в трубке. Тот же тихий металлический голос, то же отчаянье в голосе. — Да. Теперь это необходимо. И как можно скорее.

— Что необходимо?

— Поговорить. Прямо сейчас. Поговорить немедленно. Да.

— А с кем вы хотите поговорить?

— С вами. С Остером. С человеком по имени Пол Остер.

На этот раз Квинн не колебался ни секунды. Он знал, что надо делать, и теперь, когда время настало, сделал это не раздумывая.

— Я у телефона, — сказал он. — Остер слушает.

— Наконец-то. Наконец-то вы нашлись. — В голосе прозвучало облегчение, собеседник успокоился.

— Совершенно верно, — сказал Квинн. — Наконец-то. — Он выдержал паузу, чтобы его собеседник, да и он сам, могли вдуматься в смысл этого слова. — Что я могу для вас сделать?

— Мне нужна помощь. Мне грозит опасность. Говорят, в таких делах вам нет равных.

— Смотря в каких. Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду смерть. Смерть и убийство.

— Это не совсем по моей части, — сказал Квинн. — Я людей не убиваю.

— Ясное дело. — В голосе прозвучало раздражение. — Тут все наоборот.

— Кто-то хочет убить вас?

— Да, убить меня. Совершенно верно. Меня собираются убить.

— И вы хотите, чтобы я защитил вас?

— Да, чтобы вы защитили меня. И нашли человека, который собирается меня убить.

— Вы не знаете, кто это?

— Нет, знаю. Конечно, знаю. Но я не знаю, где он.

— Поподробнее рассказать можете?

— Не сейчас. Не по телефону. Это очень опасно. Вы должны приехать.

— Давайте завтра?

— Хорошо. Завтра. Пораньше. Завтра утром.

— В десять утра?

— Хорошо. В десять. — Голос в трубке продиктовал адрес: Ист, 69-я стрит. — Не забудьте, мистер Остер. Вы должны прийти.

— Не беспокойтесь, — сказал Квинн. — Приду.

2

На следующее утро Квинн проснулся раньше обычного; так рано он не вставал уже несколько недель. Пока он пил кофе, мазал тост маслом и просматривал отчет о бейсболь-